Текст · 22 февраля 2021, 22:28
Александр Бородихин, Алла Константинова,

Первый подозреваемый, десятки свидетелей и допросы обманом. Что известно о деле за «перекрытие дорог» в ходе акции в поддержку Навального

Подозреваемый

Секретарю красноярского отделения Либертарианской партии России Глебу Марьясову 20 лет, он уроженец сибирского села Байкит. Себя он называет «правым регионалистом», совмещая либертарианские взгляды с христианскими ценностями. Юный выпускник кадетского корпуса волонтерил в красноярском штабе Навального, привлекал интерес полицейских в соцсетях, получал синяки во время нападения людей в балаклавах на либертарианский лагерь на берегу Енисея, проводил акции против поправок в Конституцию и требовал от «Норникеля» компенсаций жителям края за разлив топлива. Высшее образование в Красноярске Марьясова не заинтересовало: он планировал учиться на экономиста в Чехии, а деньги зарабатывать на рыбообработке на Сахалине.

23 января Марьясов был в Москве на акции в поддержку Алексея Навального. «Действовал мирно и в рамках христианских и либертарианских принципов», — подчеркивал он, комментируя свое задержание. По словам Глеба, полицейские ударили

его в живот и скрутили. Суд назначил активисту аресты по двум статьям КоАП[1].

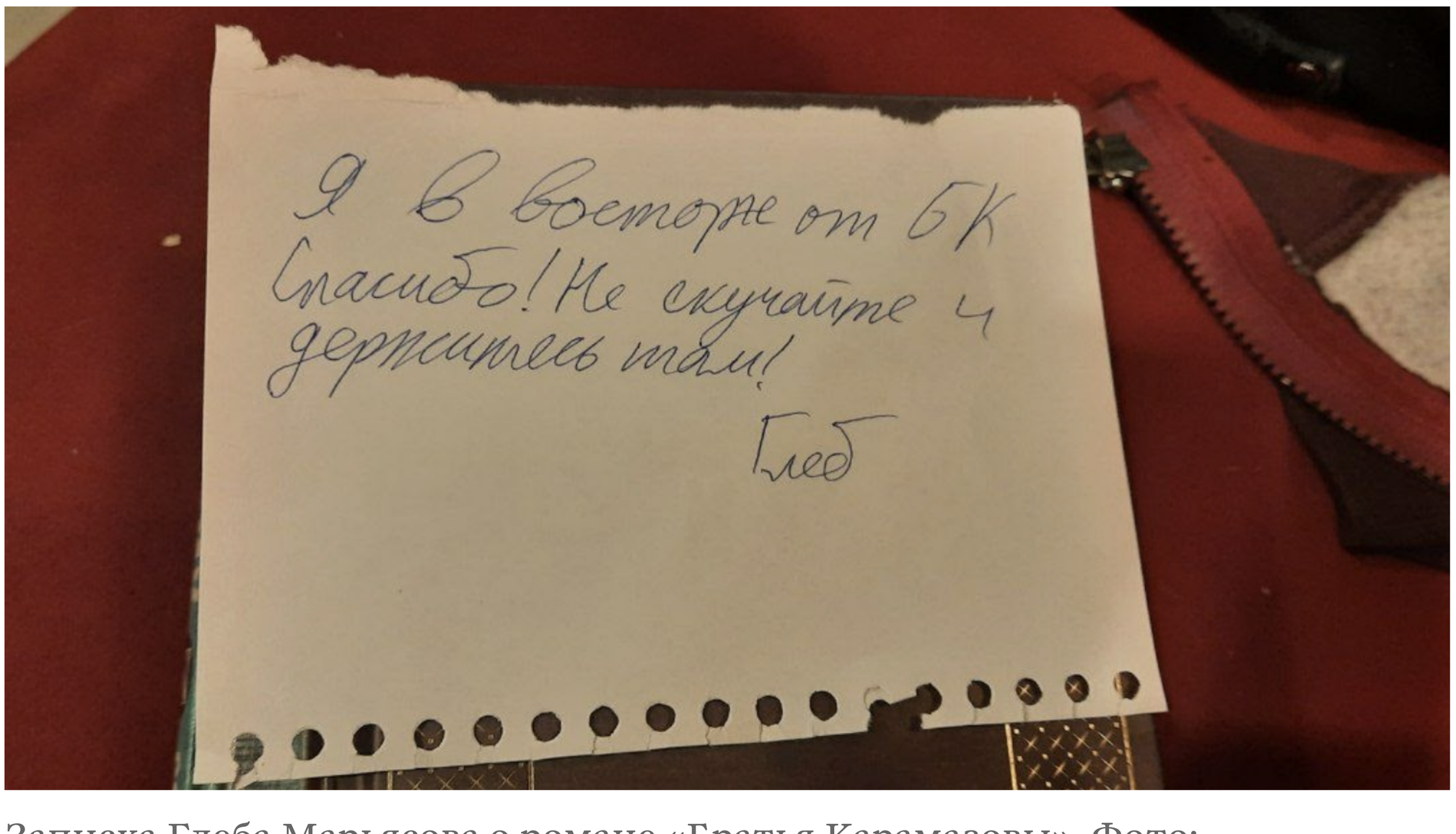
«Всем большое спасибо, я сажусь, ура», — написал он в твиттере 26 января. Активиста отправили в центр временного содержания иностранных граждан в деревне Сахарово в Новой Москве после суток в полицейской машине у дверей спецприемника №2 в Мневниках, который в тот день из-за массовых задержаний оказался переполнен. «Первые 10 часов просидел в наручниках, сейчас хотя бы без них сижу, — рассказывал он. — Кушаю с передачек. Менты говорят, что это время засчитывается».

В Сахарово Марьясов вскоре оказался в одной камере с главным редактором «Медиазоны» Сергеем Смирновым — той самой, где из-за тридцатиградусной жары обоим стало плохо и потребовалась медицинская помощь. После жалоб на условия содержания арестантов расселили.

Смирнов вышел на свободу раньше, отбыв 15 суток, а Марьясова перевели в спецприемник в Мневниках, где появились свободные места. После 30 суток ареста на выходе из спецприемника его вновь задержали.

Еще в день акции 23 января анонимный телеграм-канал «Товарищ майор» публиковал видеозапись, на которой похожий на Марьясова молодой человек говорит другому, активно показывая руками: «Нужно щас всех просто туда». Кем была сделана видеозапись, и из чего был сделан вывод о «профессиональном» подстрекательстве, в сообщении не указывалось.

Адвокат Марьясова Дмитрий Захватов сказал «Медиазоне», что ему пока не известно, какие действия вменяют его подзащитному. При этом Захватов отметил, что за видео из анонимного канала активиста уже привлекли к ответственности по части 2 статьи 20.2 КоАП, которая в связи с повторностью нарушения стала частью 8; по ней он и получил 30 суток. Следовательно, считает защитник, вряд ли следствие будет ссылаться на видео, поскольку нельзя одновременно привлечь за совершение одного и того же деяния к уголовной и административной ответственности.



Записка Глеба Марьясова о романе «Братья Карамазовы». Фото: телеграм-канал либертарианца Александра Разина

Умышленное перекрытие

Уголовное дело об «умышленном блокировании транспортных коммуникаций и объектов транспортной инфраструктуры в центральной части города Москвы, в том числе на улицах Тверской, Большой Дмитровке, Страстном бульваре, Цветном бульваре и других» возбуждено Главным следственным управлением МВД по Москве сразу после акции 23 января.

Сначала следователей интересовало другое дело — о подстрекательстве[2] участников акции протеста

к нарушению санитарных ограничений, введенных из-за коронавируса. По этому делу были проведены масштабные обыски, арестованы десять оппозиционеров.

По «санитарному делу» проходят участница *Pussy Riot* Мария Алехина, продюсер «Навальный *LIVE*» Любовь Соболь, глава московского штаба Навального Олег Степанов, глава «Альянса врачей» Анастасия Васильева, брат Навального Олег Навальный, пресс-секретарь Навального Кира Ярмыш, активист Николай Ляскин, муниципальные депутаты Люся Штейн, Константин Янкаускас и Дмитрий Барановский. Правозащитный центр «Мемориал»[3] признал их политическими заключенными.

В конце января «санитарное дело» передали в Следственный комитет, и у сотрудников главного следственного управления МВД по Москве осталось два других — о блокировании транспортной инфраструктуры на акциях 23 и 31 января.

Один из москвичей, вызванных на допросы по делу об акции 23 января, пересказал «Медиазоне» формулировки, используемые сотрудниками МВД. Фабула дела такова: некие люди хотели вывести из строя московские дороги, для этого они через соцсети призвали сторонников Навального собраться

в центре Москвы. Люди заблокировали движение на улицах, чем создали «угрозу жизни, здоровью и безопасности граждан и угрозу уничтожения или повреждения имущества».

16 февраля МВД обратилось в Тверской районный суд Москвы с просьбой разрешить проведение обыска; в пресс-службе суда «Медиазоне» сообщили, что материалы касаются одного из дел о перекрытии дорог. Информации о проведении этого обыска пока не появлялось.

В Петербурге полицейские 6 февраля провели обыски по 30 адресам в рамках расследования дела в отношении неустановленных лиц[4] о перекрытии дорог на митинге 23 января. В тот же день по той же статье прошли массовые обыски и во Владивостоке. Местный активист Максим Хозяйкин проходит по делу подозреваемым, свидетелями — заместитель председателя краевого отделения «Яблока» Марина Железнякова и еще несколько человек, в том числе и автор местного ютуб-канала *NewsBox24* Геннадий Шульга, чье видео задержания силовиками опубликовал депутат краевого парламента Артем Самсонов.

Несовершеннолетние, избитые и другие свидетели

Силовики начали опрашивать задержанных на митингах в поддержку Навального еще в ОВД, рассказывает задержанный в Москве активист Дмитрий Заир-Бек. Его задержали у СИЗО

«Матросская тишина» 31 января и вместе с еще 25 людьми привезли в ОВД по району Перово.

«Нас вызвали [в кабинет] впятером, потому что приехал человек, который представился начальником уголовного розыска района Перово, — вспоминает Дмитрий. — Тогда начальник нам сказал: "Желания допрашивать вас у меня нет" и спросил, собираемся ли мы давать какие-то показания. Причем, по какой статье нас собираются опрашивать, он не сказал. Кто-то из задержанных порывался дать показания, но адвокат нам сказал, что лучше этого не делать. И, в принципе, сам допрос на этом и закончился».

По какой именно статье их собирались опрашивать, задержанным так и не сказали. «Он [начальник] показал нам опросный лист и постановление о возбуждении уголовного дела, датированное 31 января 18 часами вечера, — говорит Заир-Бек. — Такое же постановление позже увидел у Яшина с Пивоваровым[5] — и у них было написано, что

это 267 статья, "перекрытие дорог". Я понятия не имел, я думал, нас по "санитарному делу" вообще опрашивают».

Участники акции протеста в Москве 23 января 2021 года. Фото: Павел Кашаев / East News

«Отдельно спрашивали, служил или не служил, — говорит активист. — Начальник пошучивал: "Вы все служить будете"». Заир-Бек отказался давать показания, сославшись на 51 статью, но среди других задержанных были те, кто успел поговорить с силовиками — поначалу их допрашивали без адвоката. К тем, кто успел дать показания, по месту прописки приходили участковые и устно приглашали на допрос, говорит Заир-Бек. Он общается с другими задержанными в тот день в одном из чатов. «Но никто на допросы не ходил: мы договорились, что только по повестке, и лучше подписанной лично», — говорит он.

Не прислали повестку и москвичке Анне Самсоновой-[6], чьего 17-летнего сына Валерия[7] задержали 31 января на Лубянке: юноша вместе с отчимом шел на занятия. «Мой сын поступает в серьезный вуз, нам эти проблемы не нужны, мы аполитичная семья, — говорит Анна. — Они обходили толпу, мимо

бежала девушка от ОМОНа, упала — Валера ей помог подняться. В итоге подбежали омоновцы, девушка вырвалась и убежала, а Валеру они избили дубинками и потащили в автозак».

При задержании Валерия разделили с отчимом, и около двух часов до приезда матери в ОВД он провел один на один с сотрудниками полиции. В отделе юноша подписал административный протокол, но копию его не попросил, говорит юрист «Комитета против пыток» Петр Хромов. «Поэтому он даже не знает, по какой статье его обвиняют», — говорит правозащитник.

Когда Валерия отпустили из ОВД по району Южное Медведково, выяснилось, что у него поврежден позвоночник. «Он зашел домой, сполз по стене, говорит: "Что-то мне плохо", — вспоминает мать. — Я увидела кровоподтеки у него на спине, спросила, почему он сразу не сказал. Повезли его в травмпункт при больнице Святого Владимира, но в выписке написали — испугались, наверное, — что он выписан здоровым». Теперь юноша не может находиться в сидячем положении дольше часа.

Мать добавляет, что после задержания сотрудники отдела по делам несовершеннолетних района Лефортово несколько дней звонили с угрозами. «Как-то позвонили нам в десять вечера, говорят: "Мы придем к вам с проверкой", — вспоминает она. — В следующий раз позвонили: "Завтра придите в Следственный комитет". Мы тогда временно уехали из города — у сына до сих пор шок, он на официальном больничном, но они это не принимают».

Еще до отъезда полиция привезла повестку в районную прокуратуру. «В повестке было написано, что там будет "предупредительная беседа", но в итоге это был очередной допрос, — говорит Анна. — спрашивали, что произошло, как такое [задержание] могло случиться».

49-летнего юриста по гражданским делам Виктора Липатова омоновцы избили 23 января, когда тот уже собирался уходить с Пушкинской площади. Медики института скорой помощи Склифосовского в тот день диагностировали у Липатова ушибленную рану головы и перелом правой руки. После произошедшего Липатов с адвокатом обратился с жалобой на действия полиции в Управление собственной безопасности МВД.

«Там нас опросили, назвали номер принятого заявления — и, насколько мне известно, никаких действий далее не производилось, — говорит Липатов. — Но за это время появилось административное постановление на меня по части 5 статьи 20.2. То есть, принимая заявление о совершении преступления в отношении меня, они меня же туда, извините, слили, как правонарушителя. Это неправильно, на мой взгляд, ни по закону, ни по совести».

35-летнего Георгия Белова тоже задержали с применением силы 23 января: врачи в травмпункте зафиксировали гематому правого плеча, ушиб правого локтевого сустава и ушиб правой кисти. Он подал в СК заявление о возбуждении уголовного дела о превышении полномочий сотрудниками полиции.

На прошлой неделе следователь позвонил его адвокату и «уклончиво» пригласил в ГСУ МВД по Москве. Из этого разговора защитник сделал вывод, что Белова вызывают на опрос по делу об избиении: якобы сначала они должны проверить сведения, потом СК.

«У нас сейчас будет опрос?» — уточнил адвокат, когда его клиент протягивал следователю паспорт. «Угу», — кивнул следователь, после чего переписал данные, разъяснил Белову его права и без какого-либо перехода начал допрос свидетеля по делу о перекрытии дорог.

Мужчине запомнился необычный вопрос следователя: осуждает ли он задержание Алексея Навального. «Я был с адвокатом, никаких противоправных действий не совершал, поэтому посчитал, что могу на [эти вопросы] ответить», — говорит он.

Белов добавляет, что 31 января на митинг не ходил, но ходили его друзья — и один из них был задержан. После оформления административных протоколов всех доставленных в ОВД Ломоносовский удерживали в отделе до проведения допросов по уголовному делу о перекрытии дорог.

Получившая во время акции 23 января дубинкой по голове и руке Варвара Койфман так описывает звонок следователя в середине февраля. «Ну вроде 267-я... Перекрытие дорог. Это про 23 января, что вы там видели», — говорит следователь. «А это же уголовка, да?» — уточняет девушка. «Да, но не против

вас». «А против кого?». «Против никого», — отвечает следователь.

Койфман, написавшая заявление в УСБ МВД после произошедшего 23 января, пришла на допрос 18 февраля с адвокатом. Следователь, которому принесли толстую папку с материалами по ее заявлению, начал спрашивать, как ее избили. «Ага, то есть вы были на проезжей части, а не на тротуаре», — обрадовался он, когда девушка начала пересказывать обстоятельства того вечера.

В основном следователь злился: когда Койфман брала 51-ю статью, когда отвечала, что не видела нанесения ущерба инфраструктуре или когда совещалась по поводу ответа с адвокатом. На дальнейшие вопросы о том, кто перекрывал дороги, проявлял агрессию и мешал проходу граждан, она ответила, что это делали сотрудники полиции.

В тот же день в ГСУ МВД по Москве вместе с адвокатом ходил избитый на акции студент Василий Суров. Ему задали примерно восемь вопросов: видел ли он, чтобы кто-то препятствовал движению транспорта и пешеходов, и может ли опознать «координаторов» акции. «Естественно, нет — там, как минимум, все в масках были», — ответил программист.

«Следователь еще спрашивал, был ли причинен мне ущерб. На этот вопрос я рассказал об ущербе, который мне нанесли сотрудники полиции, что также попало в протокол допроса», — отметил молодой человек.

Суров слышал, что тот же следователь днем ранее допросил четверых человек. «Это достаточно пугает, потому что в деле нет конкретных фамилий, нет имен, просто "неустановленный круг лиц". Даже немножко страшно, что можно внезапно стать одним из этого "неопределенного круга лиц", даже будучи свидетелем».

Вызывая на повторные допросы, сотрудники правоохранительных органов «подчищают места, где они, грубо говоря, не доработали», говорит юрист «Комитета против пыток» Петр Хромов.

«При недостатке какой-либо доказательной базы по всем этим возбужденным уголовным делам (перекрытие дорог, вовлечение несовершеннолетних) они пытаются наработать хоть какую-то доказательную базу в виде свидетелей, — говорит он. — Как это часто бывает в России, человек приглашается свидетелем и тут же, в том же кабинете, он из свидетеля становится подозреваемым. Почему наши правоохранители так любят вызывать человека именно свидетелем — потому что, если для подозреваемого адвокат обязателен, либо по соглашению, либо по назначению, то для свидетеля — нет. Если он сам не пришел с адвокатом, ему никто адвоката не обеспечит».

Редактор: Дмитрий Трещанин

Обновлено в 12:40 23 февраля. Добавлена информация о видео из анонимного телеграм-канала с комментарием адвоката Захватова.

1. Повторное нарушение порядка проведения публичной акции, часть 8 статьи 20.2, 30 суток; неповиновение требованию сотрудника полиции, статья 19.3, 15 суток.

2. Часть 4 статьи 33, часть 1 статьи 236 УК.

3. Внесен Минюстом в «реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента».

4. Статья 267 УК.

5. Глава московского муниципального округа Красносельский Илья Яшин и исполнительный директор «Открытой России» (признана «нежелательной организацией») Андрей Пивоваров были задержаны 31 января в Москве, после задержания их допросили в качестве свидетелей по уголовному делу о перекрытии дорог.

6. Имя изменено.

7. Имя изменено.